

Известия. — 1998. — 23 мая. — с. 6.

Надежда на приз умирает последней

Валерий КИЧИН,
специальный корреспондент
«Известий»
на Каннском фестивале

51-й Каннский фестиваль быстро иссякает, в воскресенье мы узнаем победителей. А пока люди усердно гадают, кого осянет золотые пальмы Канн.

У критики международной, судя по рейтингам, главный фаворит Кен Лоач с фильмом «Меня зовут Джо». Критика французская предсказывает «Если любишь — приедешь» Шеро и «Апрель» Моретти. Позади всех — «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» Гиллиама. Сейчас к аутсайдерам добавился, увы, и «Хрусталева, машину!» российского Германа.

Все ждут появления еще одного сильного и, возможно, главного претендента на «Золотую пальмовую ветвь» — греческого режиссера Тео Ангелопулоса с фильмом «День и вечность». Ангелопулос — мастер замечательный, он уже не впервые штурмует каннские твердыни, но до сих пор уезжал ни с чем. И то, что, несмотря на обидные для художника такого ранга поражения, он снова здесь, говорит о крайне высоких его шансах — ведь фестиваль, как ни крути, делает свою политику.

В небогатой обойме лидеров, кроме того, Ларс фон Триер с эпатажными «Идиотами» и его соратник по «Догме-95» Томас Винтерберг («Празднование»). Вполне реальные претенденты на призы за режиссуру.

Благосклонно отнеслись критики к картине Джона Бурмена «Генерал» — сентиментальному жизнеописанию знаменитого ирландского гангстера Мартина Кахилла, и к картине Хола Хартли «Генри Фул», само появление которой в каннском конкурсе удивительно, ибо недотепы Генри уже «засветился» на фестивале в Торонто. Но на призы эти двое явно не тянут. Выведено за скобки и аляповатое исследование мира большой поппсы с его «детьми порока» в фильме Тодда Хейнса «Вельветовое золото». Зато были, как я уже писал, смутные пассы в сторону тайваньской «Дыры» Цай Миньлиня.

Итак, все ли шансы для нашего фильма потеряны? На официальной премьере «Хрусталева» повторилась ситуация с пресс-просмотром — публика дружно уходила. На пресс-конференцию явились главным образом русскоязычные журналисты. Алексей Герман пришел вместе с женой-соавтором Светланой Кармалитой, актерами Юрием Цурило и Михаилом Дементьевым. Участвовали продюсер Ги Селиман (Франция) и Александр Голутва (Госкино, РФ). Режиссер выглядел уставшим. Ему уже успели сообщить, что журналисты плохо поняли происходящее на экране. И он ответил так, как ответят 99 процентов его коллег:

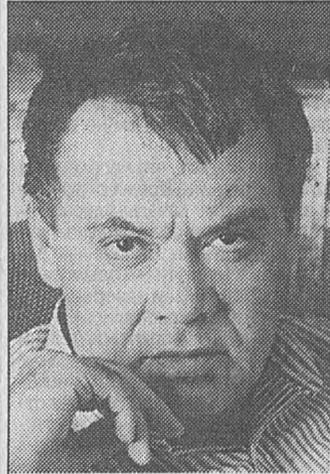
— Поверьте, там все понятно. Если вы шли смотреть Брюса Уиллиса, тогда, конечно, мой фильм покажется сложным.

— Но, фигурально говоря, людям, привыкшим к Толстому и Бальзаку, вы предложили Джона, — возразил профессор Гренобльского университета Александр Бурмейстер.

— Я думаю, кино произрастает не от прозы, а от поэзии, — ответил Герман. — Чтоб понять его, человек должен напрягаться. Мы специально так делали, чтобы через незначительных героев зритель продирался к значительному. Мы хотели снять картину не о пятьдесят третьем годе, а не о России, как ее принимаем. Наша родина — это вечное сочетание прекрасного и ужасного. Мы ее любим, но страна — жутковатая.

Почему Герман отказался от цвета? «Люблю черно-белое кино. В черно-белом кино танк выстрелил — получилась война. В цветном кино зеленый танк выплюнул что-то розовое — получилась ерунда. И потом, воспоминания не имеют цвета...»

Герман снял мир своего детства. Он внедрил в историю опального генерала-врача образы своего дома и семьи. «Я гипотетически представил себе, что могло бы с нами случиться». То, что сын крупного официального писателя сохранил не вполне типичные для России впечатления, сильно подкосило его шансы быть понятым. Образы «нашего шофера», «нашей домработницы» не для всех воскрешают ушедшее время. Таких ба-

Алексей Герман

рьеров между автором и потенциальными зрителями в картине слишком много.

Но, отвлекаясь от образа России, который у каждого и впрямь свой, нельзя не заметить: у сексовому рукоделю среднего каннского репертуара Герман противопоставил фильм резко мужской и мужественный, и он здесь смотрится, как Шекспир на фоне оперетт.

Критика отнеслась к фильму крайне сурово. «Какофония образов», — пишет о фильме журнал «Вэрайтс». В рейтинге журнала «Ля фильм Франсе» критики дружно выставили самые низкие оценки. В рейтинге журнала «Скрин интернэшнл» высший балл поставила только критик из Финляндии, по «паре» вlepили Канада и Франция, по «колу» — Бельгия и Греция. Италия, Испания, Англия и США картину вовсе проигнорировали, что говорит об отсутствии интереса не только к Герману, но и к русской кинематографии в ее нынешнем состоянии; нарушив жесткую традицию, впервые за фестиваль большинство изданий вышли без рецензий на конкурсный фильм.

Алексей Герман говорит, что для него кино не профессия, а состояние души. А эта позиция абсолютно неинтересна кинобизнесу. Перед ней часто становятся в тупик современники. Но только она делает в искусстве вещи всерьез и надолго.